

Юлий Буркин

**БАБОЧКА И ВАСИЛИСК,
КОРОЛЕВА БЕЛЫХ
СЛОНИКОВ**

T8 RUGRAM

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос-Рус)6
Б91

Буркин, Ю.

Б91 Бабочка и Василиск, Королева белых слоников /
Ю. Буркин. — М. : Т8 Издательские технологии /
RUGRAM, 2020. — 170 с.

ISBN 978-5-521-73512-9

Сергей Лукьяненко:

«... Мне до сих пор кажется, что «Бабочка и василиск» — это одно из лучших произведений фантастики в девяностые годы».

Борис Стругацкий (о «Королеве белых слоников»):

«Это на редкость забавная, печальная и смешная повесть. Совершенно уверен, что она понравится не мне одному».

BIC FM
BISAC FIC009000

© Юлий Буркин, текст, 2020
© Т8 RUGRAM, оформление, 2020
© Т8 Издательские технологии, 2020

ISBN 978-5-521-73512-9

БАБОЧКА И ВАСИЛИСК

«Всякое искусство совершенно бесполезно».

Оскар Уайльд

«Если нельзя, но очень хочется, то можно».

Народная мудрость

ПРОЛОГ

Что касается невинной жертвы, то вся история эта закончилась так.

В самом конце ночи, почти под утро, зека по кличке Гриб проснулся от желания помочиться и сейчас жадно досмаливал подобранный возле параша отсыревший бычок. Он знал, что это — западло, но поделаться с собой ничего не мог: курить хотелось невыносимо.

Гриб ходил в мужиках, ниже комитет решил его не опускать: свой хороший врач буграм — вещь вовсе не лишняя (этот-то, как-никак, с мировым именем), а пользоваться медицинскими услугами петуха им не позволила бы воровская честь. Вот и ходил Гриб в мужиках, хотя и видно было в нем за версту интеллигента, и другого бы, не столь ценного, за одну только лексику, за одни только «позвольте» и «отнюдь», втоптали бы в самую зловонную зоновскую грязь.

Но все равно хватало ему и побоев, и унижений. Как тут без этого? Особенно одно обстоятельство угнетало его: еще в СИЗО трое рецидивистов отбили ему почки, и теперь, случалось, он во сне делал под себя (если не успевал проснуться, вскочить и добежать до туалета, как сегодня). И, когда случалась с ним такая оказия, наутро он подвергался позорнейшей процедуре: его освобождали от работ и не позволяли вставать в строй на завтрак и обед, пока он не простирает тщательно белье и матрац и не просушит их, летом — на дворе, зимой в сушилке. А все это время каждый проходящий считал своим долгом плюнуть в него, дать зуботычину или обругать: «У, вонючка очкастая!..», «Зассанец!»...

И не раз уже гнал он от себя мысль о самоубийстве, а порою и не гнал, порою, напротив, упивался ею. Вот и сейчас, урвав ворованную затяжку, думал он о побеге в мир бездонной пустоты и находил в этом желанное успокоение.

Хрустнул под чьими-то подошвами разбитый кафель, и Гриб испуганно кинул охнарик в парашу. Но напрасно, он услышал, как зашумел кран, как вода потекла в умывальник, как вошедший звучно всосал струю, а затем из уборной вышел.

Но бычок был уже безнадежно погублен, и Гриб с досады хотел было отправиться досыпать, как вдруг через открытую форточку, сквозь ржавую решетку, в туалет влетела цветасто-бархатная бабочка «Павлиний глаз» («*Vanessa io*») и села прямо на рукав его грязно-черной робы. Странное чувство вызвала гостья в душе заключенного. Такое испытывал он в юности, когда очень красивая подружка старшей сестры — Лиля — строила ему глазки и тихонько говорила ему непристойные комплименты. Ему было тогда и приятно, и ясно, что

на самом деле над ним просто потешаются, а более всего страшно, что легкая ирония сейчас перейдет в откровенную издевку. Смешанное чувство радости, страха и НЕУМЕСТНОСТИ. Нельзя было в его нынешнем пыльном, кирзовом, бушлатно-туалетном мире возникать этому, пусть даже и такому маленькому, летающему стеклышку калейдоскопического счастья.

— Эй, слышишь, — вполголоса обратился он к бабочке, — слышишь, нельзя тебе здесь...

Бабочка посмотрела на него строго и доверчиво, чихнула и ответила:

— А я и не собираюсь здесь долго задерживаться.

Только не понимал Гриб ни бабочкиного языка, ни бабочкиного чиха, ни бабочкиной мимики; а потому не понял он и того, что сказала она далее:

— Меня зовут Майя. Меня послали, чтобы ты посмотрел на меня и понял: скоро все это кончится, скоро ты будешь на воле.

И Гриб, глядя на персидские узоры ее крылышек, хоть и не слышал ничего, действительно понял: скоро все это кончится, скоро он будет на воле.

— Спасибо, — сказал он вполголоса, и бабочка, услышав его, выпорхнула через решетку форточки в ночь — в мокрое грозовое небо.

I

— Бумагу! Перо! Чернила! — скомандовал василиск, откинувшись на расшитые бисером китайские подушечки, и два его верных сиреневых тролля-прислужника — гномик Гомик и карлик Марксик, пробуксовав ножками на месте две-три секунды, кинулись вглубь пещеры.

Голодная гюрза обвила шею повелителя и чистила ему шею раздвоенным языком, выскребая из щелей меж ними кровавые волокна ужина.

— Полно, — молвил он, чтобы счастливая змейка, скользя вниз по его гибкому алмазно-чешуйчатому торсу, обвилась сладострастно вокруг змееподобного же фаллоса, жадно припав к нему устами.

В шахтах глазниц Хозяина родились и тут же умерли две злые зарницы, и изумрудные стены, откликнувшись, послушно принялись источать неоновую зелень.

— Пиши, — кивнул василиск примчавшемуся уже сиреневому Марксику, пред коим гномик Гомик в тот же миг пал на четвереньки, имитируя с успехом письменный стол. Марксик поспешно распластал по его ребрам белый лист бумаги, водрузил на поясицу оправленный в платину человеческий череп-пепельницу, обмакнул в нее перо фламинго и, согбенный подобострастно, замер в ожидании.

Так стоял он, боясь шелохнуться, пока василиск, как всегда перед очередным письмом, бесцельно блуждал в грязных лабиринтах памяти. Богиня, Гриб и предательство, белизна палаты и целительный скальпель врага, ласковый детеныш и боль, адская боль, когда трескается, словно кора, одеревенелая кожа; скользкие стены колодца, бой с предшественником, вкус его плоти и коронование... И жажда, так и не утоленная жажда.

Наконец, он вышел из оцепенения, вздохнул со стоном, низким и глухим, и вынул из глаз маленькие сталятиты слез. Нужно было диктовать так, чтобы ТАМ не почувствовали, как далек он от внешнего мира. Что-то очень простое.

— Пиши, — повторил он. И карлик принялся поспешно, стараясь не упустить ни звука, фиксировать неясные ему сочетания слов.

«Здравствуй, Виталья, милый мой сынок. Прости, что пишу так редко, но это зависит не от меня: почти у нас забирают только один раз в месяц. Ничего, потом все сразу тебе расскажу, так будет даже интереснее. Ты пишешь, что учишься хорошо, без троек. Молодец. У меня тоже все в порядке. Ты пишешь, что мама читает мои письма, спрашиваешь, почему я пишу только тебе. Я ведь уже объяснял. Хотя, конечно, тебе трудно это понять. Мы поссорились с ней перед моим отъездом. Но когда я приеду, мы обязательно помиримся. Пока я не знаю, когда это будет. Очень много работы. Тут очень холодно, но очень интересно. Спрашиваешь, видел ли я белых медведей. Да, и вижу часто. И моржей, и пингвинов. Может быть даже я привезу тебе маленького пингвиненка. Только не спрашивай у мамы, почему мы поссорились, не приставай, я сам тебе когда-нибудь все...»

Он диктовал, диктовал, а параллельно в голове его мелькали картинки из далекого и недавнего прошлого. Он то чувствовал себя собой, то словно бы видел себя со стороны.

* * *

... — Безнадежен, — Грибов отложил в сторону историю болезни. — Просто безнадежен.

Мне, стоящему в коридоре и заглядывающему в щелку, стало не по себе.

— А если оперировать? — спросил незнакомый мне врач.

— Один шанс из тысячи. Даже не знаю, взялся бы я или нет. Разве что в качестве эксперимента. А без этого — максимум полгода. Жаль.

Откуда ж он, Грибов, мог знать, что я, во-первых, как раз сейчас забрел к нему в кардиоцентр, а, во-вторых, в курсе, что речь идет именно обо мне. Сестра (очень красивая, кстати) споткнулась возле двери кабинета, я помог собрать рассыпавшиеся листы и увидел, что это — моя история болезни.

Безнадежен. Что из этого следует? «Максимум полгода...» Жаль ему, видите ли. Это все, что он мог сказать по поводу моей близкой кончины. Экспериментатор!.. «Жаль...» А мне-то как жаль!

«Что можно успеть за полгода? — продолжал я раздумывать, двигаясь в сторону своей постылой конторы. — Прежде всего, наконец-то пошлю в жопу шефа. Шеф!.. Смех да и только. Индюк моченый, а не шеф. Что еще? Еще уйду от Ирины. А стоит ли? Полгода не срок... Стоит. Хоть последние полгода поживу без лжи. Почему же не мог раньше? Раньше была ответственность. За нее и за Витальку. А ныне судьба распорядилась так, что всякая ответственность автоматически теряет смысл».

И вдруг он представил себя мертвым. Он увидел свое не слишком симпатичное тело лежащим на столе морга. Совсем голое. Глаза полуоткрыты. Рот подвязан веревочкой. Кожа землисто-матовая. Всюду отечности и вздутия. Тело это и при жизни не блистало красотой, а теперь... Елки! Ведь все мы знаем, что умрем. Обычно осознание реальности смерти случается только в самой ранней юности, как раз тогда, когда жизнь полна запахов и прелести. Наверное, так природа поддерживает баланс.

Заколело сердце. Он сел на подвернувшуюся скамеечку. И моментально покрылся холодной испариной.

Нет, наоборот. Буду тихо ходить на работу, чтобы отвлечь себя от приближения, а когда слягу, Ирина будет ухаживать за мной. Кто-то ведь должен подать стакан воды... Какая пошлость! — «Стакан воды». Ну и пусть — пошлость. Кто-то все равно должен его подать.

Ему казалось что решение он принял твердо. И все-таки, когда шеф, в который уже раз принялся в тот день вправлять ему, как мальчику, мозги: «Учтите, если хотя бы еще один раз вы отлучитесь с работы без моего личного разрешения, будем беседовать с вами серьезно...» И все-таки, когда он услышал это, он наплевал на все свои твердые решения, встал, красный от злости, из-за стола и сказал заветное: «Пошел-ка ты в жопу, индюк!» И удалился, хлопнув дверью.

И таким легким стал этот день, что и ночью он легко сказал жене: «Я узнал, что проживу не более полугода. Врач сказал. Не сердись, но я хочу пожить немного один. Обдумать, как встретить это. Андрей, когда уезжал, отдал мне ключи от своей комнаты. Он вернется еще только через год, когда все уже будет кончено. Я проживу пока у него в общежитии».

И она поняла его. Она плакала, уткнувшись носом в подушку, но поняла.

II

Издавна известно людям, что аспид в хитрой голове своей хранит драгоценный карбункул. Знают они и сколь велика ценность сего самоцвета, как с ювелирной, так и с фармацевтической точек зрения. Знают они и то, что карбункул у аспиды можно взять лишь до-

бром, выклянчить, если же применишь силу, поймешь, убьешь, карбункул вмиг рассосется. Такова природа аспиды и его карбункула.

Только одного не знают люди: зачем нужен карбункул самому аспиду. А это-то как раз самое главное и есть. Карбункул — хранитель, кристаллический аккумулятор энергии и ВРЕМЕНИ. Когда аспиды хотят убить, решетка магического кристалла рассыпается, «рассасывается», высвобождая накопленное, и сознание владельца карбункула перемещается в любую точку пространства и времени, внедряясь в избранное тело, деля его отныне с родным этому телу сознанием. Таким образом камень спасает аспиды от гибели. Потому-то он и дорожит им столь рьяно.

Прервав диктовку письма, не закончив даже очередного предложения, утомленный василиск потянулся и, щелкнув перстами, удалил прочь своих внезапно опостылевших ему лиловых троллей-прислужников. (Кстати, отчего они лиловые? Точнее — сиреневые? Оттого, что карлик Марксик, само собой, красный, а гномик Гомик, естественно, голубой. Будучи преданными друзьями, ради единообразия они избрали серединный колер.)

— Раав, — опустил василиск щели зрачков своих к юркой гюрзе, — Раав, в мир желаю.

Змейка скользнула вниз по ребристому хвосту Хозяина и исчезла, словно просочившись сквозь трещины в малахитовом полу. И призванные ею два древних аспиды Тиранн и Захария уже через несколько секунд предстали пред Правителем. Он простер к ним когтистую десницу, и они послушно изрыгнули в нее два своих карбункула. Именно два камня дают возможность не только вселиться в любое живое существо лю-